

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2-216-223

Интервью

Cōgitō, ergo sum: интервью с Эдуардом Мижитом

О.А. Валикова

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, Миклухо-Маклая, 6

Для цитирования:

Валикова О.А. Cōgitō, ergo sum: интервью с Эдуардом Мижитом // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 2. С. 216–223. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2-216-223

Intrview

Cōgitō, ergo sum: Interview with Eduard Mizhit

O.A. Valikova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russian Federation

For citation:

Valikova, O.A. 2021. "Cōgitō, ergo sum: Interview with Eduard Mizhit". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (2), 216–223. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2-216-223

© Валикова О.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Герой нашей беседы — самобытный тувинский поэт, драматург, ученый Эдуард Мижит. Мы поговорили с Эдуардом Баировичем о новаторстве в поэзии, о «поэзии мысли», о поиске новых смыслов и путей их художественного воплощения.

ПТП: Эдуард Баирович, в одном из Ваших программных заявлений, как отмечает исследователь Вашего творчества М.А. Хадаханэ, Вы говорите о том, что колодец литературы исчерпан; наступили сумерки культуры; литература переживает кризис: все приемы, жанры и темы в ней многократно отработаны. И все же в тувинскую литературу Вы сумели войти как новатор, привнеся в нее философское звучание, «поэзию мысли» и приспособив классический верлибр к этническому колориту ожук дажы в его мифопоэтической сложности, сакральности и жанровой аутентичности. Исследователи сходятся во мнении: благодаря Вам лирический герой тувинской поэзии получил возможность «осознать самого себя», испытать миг экзистенциального озарения («Я понял вдруг, что существую»). Ваш герой в большей степени думает, осмысливает Бытие (*Sōgitō, ergo sum*), нежели испытывает интенсивные эмоциональные переживания. Чем это обусловлено?

ЭМ: Во-первых, то, что я говорил об исчерпанности приемов, жанров и тем литературы, не является моим программным заявлением. Это элементарная констатация факта мировой литературы. Об этом давно уже говорят самые видные писатели мирового уровня. Многие писатели некоторых национальных, особенно младописьменных литератур, пока этого не ощущают, но я, говоря об этом, опирался на опыт мировой литературы в ее вершинных явлениях. Во-вторых, что касается верлибра и жанра ожук дажы, необходимо отметить, что данный жанр (ожук дажы) имеет строго определенную каноническую форму с четкими требованиями к строю, размеру и рифмовке строк. Таким образом, верлибр и ожук дажы в строгом смысле слова можно считать антиподами. В-третьих, что касается «поэзии мысли», то это, скорее всего, моя реакция на господствовавшую многие годы литературу соцреализма, в которой не очень много было свободной и независимой мысли. Было очень много эмоций и декларативного выражения

любви к родине, народу и т.д. Были, конечно, и очень большие писатели, тонкие лирики, вдумчивые прозаики и т.д. Но, как правило, их произведения с большим трудом доходили до широкого читателя. А желание и умение свободно и независимо мыслить, на мой взгляд, и отличает настоящего писателя от прочих. Тувинская литература, как известно, относится к младописьменным литературам, и со времени своего зарождения она оказалась под огромным влиянием эстетики соцреализма. Таким образом, как-то прошли мимо такие явления мировой культуры и искусства, как романтизм, символизм, имажинизм, магический реализм, модернизм, экзистенциализм и т.д. Нисколько не умаляя значения и достижений основоположников и классиков тувинской литературы, я вынужден признать, что все их произведения творились в одном русле, не было такого эстетического разнообразия, как в русской, европейской и восточной (японской, китайской и т.д.) литературах. Но, даже находясь в жестких рамках соцреализма, они смогли создать произведения, в которых, по выражению Пастернака, «дышат почва и судьба». Но эта страница в истории тувинской литературы, я считаю, давно заполнена, теперь нужно новыми произведениями с новой эстетикой и философией заполнять следующие страницы. И в связи с этим я вынужден признать, что для меня интеллектуальное и духовное пространство, ограниченное рамками соцреализма, оказалось слишком тесным прежде всего в эстетическом и философском плане. И с этим ощущением мне хотелось внести в тувинскую литературу что-то новое, незаемное и, тем более, не навязанное. С этим ощущением всех своих персонажей в драматических произведениях, даже в исторических пьесах, я ставлю в ситуацию экзистенциального выбора. Таким образом, я пытаюсь вплести философию экзистенциализма в тувинскую литературу. Насколько удачно получилось, не мне судить.

ПТП: Вы творите «на перекрестке» языков, культур и форм искусства. Ваша лирика овеществляется и в тувинском, и в русском Слове. Ваши тексты — это палимпсесты, в них множество смысловых уровней, которые могут апеллировать к широчайшему разнообразию культурных контекстов. Вы Поэт, Драматург, Ученый. Каждый раз — реализация «множественной» идентичности — языковой, культурной, социальной. Как Вам удается так органично существовать в условиях подобного «пограничья»? Или, возможно, пограничья нет, а есть попеременное бытование в разных «локусах» — языковых, художественных и социальных?

ЭМ: Когда я начинал писать, я не ощущал, что нахожусь на каком-то перекрестке. Если мне хотелось писать на русском языке, писал на русском, хотелось писать на тувинском языке, писал на тувинском. Все зависело от того, на каком языке мне в голову приходила та или иная мысль. Что касается палимпсестов, могу определенно сказать, что неизгладимое впечатление на меня произвели библейские притчи, тексты даосизма, буддизма, тексты Гермеса Трисмегиста, суфийские тексты, стихи Омара Хайяма и т.д. Особенно близкими мне оказались основополагающие принципы создания таких текстов. Как известно, все эти тексты отличаются многослойностью, множеством смысловых уровней. В этих текстах обычные слова и понятные образы прячут под собой слои философской мысли и духовных прозрений. Я понял, что нашел то, что давно искал, что это мое, и при создании своих текстов придерживаюсь таких же принципов. Опять

же не мне судить о том, получается это у меня или нет. Отвечая на вопрос о культурной «множественности», могу сказать, что с самого детства я много читал самой разнообразной литературы, особенно русской и европейской, естественно, переходя по мере взросления от простых к более сложным книгам, к примеру, грубо говоря, от Дюма к Гюго, от сказок братьев Grimm к Гёте, от Вальтера Скотта к Шекспиру, от Чуковского к Пушкину, Толстому, Достоевскому, Чехову и дальше в том же духе. И незаметно, естественным образом, видимо, впитал в себя все это, как трава впитывает из почвы все, что необходимо для роста и процветания. И, возможно, из-за этого внутренне не чувствую себя чужим в разных культурных пространствах. И по той же причине не ощущаю ни границ, ни пограничья, и в разных «локусах», наверно, существую не попеременно, а, скорее всего, одновременно.

ПТП: У Вас необыкновенно насыщенная биография — и, конечно, жизнь «человека внешнего» не может не сказаться на жизни «человека внутреннего». Как Вы пришли к Поэзии? Есть ли у Вас в ней «сверхзадача», фундаментальное (на уровне метатекста) послание своему Читателю — настоящему и будущему? Нередко в Ваших лирических миниатюрах разворачиваются поистине драматические события: лирический герой встречает Другого, который оказывается альтернативным воплощением его самого; проходит через тернии самопознания; пытается осмыслить Вечность в концентрации единственного (но такого бесконечного) мига. Этот насыщенный драматизм как-то обусловлен Вашим драматургическим творчеством? Пересекаются ли Ваши «творческие поля» между собой — и, если да, насколько конструктивно это пересечение?

ЭМ: О «человеке внутреннем». Так получилось, что с детства я человек не очень общительный, я мало участвовал в детских играх, мне больше нравилось смотреть, наблюдать за играми своих сверстников. Все свои эмоции я проживал внутренне, почти без внешних проявлений. Видимо, это обстоятельство и подтолкнуло меня к поэзии. Но уверенно не могу сказать, как я пришел к поэзии, это как-то само собой получилось. Насчет сверхзадачи на уровне метатекста я скажу, что согласен с тем, что поэт от книги к книге всю жизнь пишет одну книгу, только отсутствует надпись «продолжение следует». К сожалению, не помню, кто из известных писателей это сказал, но по своему опыту вижу, что это так и есть. А всякий написанный текст, на мой взгляд, является посланием — посланием к другим людям, обращением к духовному миру, внутренним диалогом и т.д. И тут естественным образом возникает образ Другого. А так как вчерашний Я не всегда совпадает с сегодняшним Я, «человек внутренний» и «человек внешний» не всегда одно и то же, естественно, такая встреча с самим собой влечет за собой драматическое столкновение. И, вообще, я думаю, что, чем больше «личностей» внутри писателя, тем для него же и лучше. Это позволяет ему сочувственно относиться ко всем людям. Это как в случае с химическими элементами. Чем больше валентностей имеет тот или иной элемент, тем больше химических соединений он может создавать. Кстати, это очень хорошо помогает в драматургии.

ПТП: Вы прекрасно пишете и на тувинском языке, и на русском. Скажите, пожалуйста, как Вы пришли к решению творить на обоих языках? Правда ли, что от выбора языка напрямую зависит не только внутренняя форма текста, но сама

его эссенция — ментальная, духовная, этнокультурная? Один из исследователей Вашего творчества, Л.С. Дампилова, рассуждает о том, что Ваша русскоязычная лирика более «нейтральна» в культурологическом и эмотивном аспектах, чем тувиноязычная. Однако и в русскоязычных текстах, посвященных Туве, родному народу, традициям любимого края («Время моей земли», «Бусинки столетий» и др.), философии самопознания, «просвечивает» мерцающий этнокультурный слой. Как Вы думаете, может ли язык, не являющийся для Вас «материнским», аккумулировать, транслировать Вашу культурную самость? В каких отношениях Вы находитесь с обеими языковыми стихиями, формирующими Ваше жизненное пространство? Существует ли некий «диктат» языка при выборе жанровых форм, тем, мотивов каждого нового произведения (когда, например, на тувинском — совсем других?). Так, Л.С. Дампилова полагает, что Ваша приверженность жанру верлибра отчасти обусловлена тем, что это приближенная к национальным (тувинским) поэтическим формам структура, она «генетически» понятна, архетипична. Так ли это? Есть ли корреляция между поэтическим жанром — и этническим его наполнением?

ЭМ: Я с самого детства говорю на двух языках. Отец, учитель русского языка, все время разговаривал со мной по-русски, в первый класс я пошел учиться в школу-интернат, где были классы для детей чабанов и классы для сирот. Я был в классе для сирот, где учились и тувинцы, и русские, а преподавание велось на русском языке. Таким образом, я вначале не понимал, что, говоря по-русски, я говорю не на родном языке. Понимание пришло позже, но оно не коснулось внутреннего ощущения. Видимо, из-за этого для меня не особенно остро стоял вопрос о выборе языка. Да, в какой-то степени диктат того или иного языка всегда присутствует, как сопротивление материала. Но тот, кто не справляется с таким своеобразным сопроматом, не может считать себя хорошим писателем. Этим я не пытаюсь сказать, что я хороший писатель. Об этом не мне судить. Отвечая на вопрос об аккумуляции и трансляции, повторяю, что я вырос без ощущения, что русский язык для меня не «материнский», так что и аккумуляция, и трансляция моей культурной самости одинаково получается на обоих языках, и оба языка гармонично соединяются в моем жизненном пространстве. Это просто так получилось по жизненным обстоятельствам, независимо от моих желаний и предпочтений. А поскольку я сын своего народа, этнокультурный слой, безусловно, и в моих русскоязычных текстах всегда где-нибудь, да и проявляется, и так должно быть, и это хорошо. Но я считаю, что замыкаться только в рамках своей этнокультурной идентичности губительно для всякого писателя. Говоря об эмоциональной составляющей в произведениях на разных языках, должен отметить, что и в тувиноязычной, и в русскоязычной лирике для меня главное — мысль, мысль, порождающая соответствующие эмоции. Я считаю, что мысль и чувство в поэзии должны быть сплавлены воедино, как разные слои металла в дамасской стали. Что касается верлибра, возможно, и тут можно проследить какие-то этнокультурные корни, но верлибр вошел в мою жизнь, когда я впервые прочел стихи французских поэтов Поля Элюара, Рене Шара, Стефана Маллармэ и многих других. Затем познакомился с лирикой испанских, итальянских, американских и латиноамериканских поэтов, которая написана верлибрами. Меня настолько

поразила эта форма, что я начал изучать ее и пытаться писать сам. Как-то мой мастер по Литературному институту Роберт Иванович Винонен сравнил традиционное стихотворение с обычной комнатой с четырьмя стенами, дверью и окном, где за четкой силлабо-тонической ритмичностью и системой рифмовки можно спрятать отсутствие поэзии. А верлибр, как лакмусовая бумага, мгновенно выявляет отсутствие поэзии, оригинальной поэтической мысли. Верлибр он сравнил с площадкой на вершине небоскреба, где нет спасительных стен четырех конвенциональных строк, где, написав одно неверное слово или слово, поставленное не там, где надо, можно провалиться в самую плохую и претенциозную прозу. Это только на первый взгляд может показаться, что писать верлибры легко, на самом деле их конструкция намного сложнее традиционных стихотворений. Кстати, на русском языке я пишу не только верлибры, но и традиционные стихи, и стихотворения в прозе. Произведения создателя жанра стихотворений в прозе Алоиза Бертрана, а также Шарля Бодлера, Артюра Рембо, Стефана Маллармэ, Лотреамона, Аполлинера и многих других открыли для меня совершенно другой поэтический мир, где органично и свободно сочетаются и философская глубина, и проникновенная лиричность, и духовная озаренность, как у Артюра Рембо. Насчет корреляции между поэтическим жанром и его этническим наполнением: думаю, что, если тот или иной жанр зародился и развился как чисто национальное явление с глубокими историческими корнями, то и этническое наполнение неизбежно. Но если какой-то жанр стал мировым достоянием, то такое наполнение необязательно, как в случае с сонетом итальянской поэзии, с рубаи арабско-персидской поэзии, хокку и танка японской поэзии и т.д.

ПТП: Помимо Рацио, присущего Вашему лирическому герою, им движет Дух, Озарение, связь с бесконечным космическим пространством. Отчасти это напоминает акт шаманского путешествия по вертикали миров. Скажите, пожалуйста, есть ли у Вашего творчества шаманские корни?

ЭМ: Я считаю, что в мире есть только три великие тайны — Бог, Время и душа человеческая. Все остальное лишь секреты природы и социума, требующие научного исследования. А по большому счету существует лишь одна тайна за семью печатями — тайна Бога и его Творения, поскольку и Время, и человек есть творения Божьи. А человеку как существу, занимающему срединное положение между Богом и природой, свойственно желание проникнуть в тайны природы и духовного мира. И в связи с этим я пришел к мысли, что цель творчества не самовыражение, не описание разнообразных чувств себя любимого, но преображение или по крайней мере попытка преображения окружающего мира и самого себя — подобно тому, как Иисус и Будда преобразили мир, как Иисус преобразился после смерти на кресте. И это преображение в какой-то мере должно происходить, на мой взгляд, после того, как окружающая действительность проходит сквозь призму ума и души поэта. Таким образом, поэт пытается придать смысл бытию, как Адам давал имена и названия всему, что видел. А насчет шаманских корней творчества, возможно, что-то такое присутствует, а может, и нет ничего такого. Об этом сложно что-либо говорить, а всуе не хочется. Во всяком случае, моя прабабушка по отцовской линии была очень сильной и известной шаманкой, а по материнской линии в каждом поколении всего рода обязательно рождается ре-

бенок с шаманскими наклонностями, унаследовавший их от наших предков-шаманов. Но при совершении соответствующего обряда они освобождаются от данного дара, который все равно проявляется в следующем поколении. Моя бабушка по материнской линии была «видящей», но шаманским ремеслом не занималась, так, как это очень тяжелый груз.

ПТП: Основоположник онтопсихологии А. Менгетти говорит о том, что каждая большая литература, как и каждый этнос, рано или поздно проходит несколько важнейших стадий самоидентификации, одна из которых — осмысление и проживание этнической травмы, которая есть в жизни всех народов земли. В истории тувинского народа было много драматических событий. Как, по Вашему мнению, они отразились на этническом самоощущении, тувинской литературе — и Вашем индивидуальном творчестве? Удалось ли тувинскому народу справиться с травмирующими эпизодами прошлого — и повлияло ли на это искусство?

ЭМ: Начну с того, что моя мать умерла, когда мне было два года, и я долго не мог справиться с этой детской травмой. Если дело так обстоит с одним человеком, что уж говорить о целом народе. На долю тувинского народа выпало очень много тяжелых испытаний. В течение двухсот лет тувинцы находились под владычеством маньжурской империи Цинь, которое принесло неисчислимые беды народу. Никогда ни до, ни после тувинцы не были такими нищими и задавленными. Неоднократно поднимали восстания, которые подавлялись самым жестоким образом. Через небольшой промежуток времени после очередной борьбы и обретения независимости, после небольшого глотка свободы и покоя началась революция, что само по себе большая беда для не очень многочисленного народа. Революционная борьба завершилась тем, что Тува обрела свою государственность — Тувинскую Народную республику. Но почти сразу после этого начались репрессии. А ведь все это происходило по меркам истории буквально вчера, позавчера, не говоря об испытаниях в более ранние эпохи. Мой дед по отцовской линии был репрессирован как «враг народа» и 10 лет провел на рудниках Колымы. Мой прадед по материнской линии, потомственный князь, тоже был репрессирован и расстрелян. Как это отразилось на этническом самоощущении? Видимо, все это отразилось на характере народа, который по аналогии с климатом можно назвать экстремальным. То тишь да гладь, то внезапные бури и ураганы. В силу того, что литература, как и все искусство, находилась под влиянием соцреализма и партийных установок, все это подавалось в нивелированном виде. Главным был постулат о том, что до социалистической революции народ не жил, а влачил жалкое существование на грани вымирания, а после революции «жить стало лучше, жить стало веселее». Справился ли народ с травмирующими эпизодами прошлого? Не думаю, что это так. Если даже я — всего лишь один человек — храню тяжелую память о своих репрессированных предках, что говорить о целом народе. Мне кажется, что все эти травмирующие факторы все равно сидят где-то в коллективном подсознании, и нет-нет да и дают о себе знать.

ПТП: А. Моруа писал о том, что очень плодотворным принципом чтения является «звездобразный»: если ваш любимый писатель читает определенных поэтов и прозаиков (а ваш любимый Писатель — априори блестящий Читатель!), то и вам стоит непременно ознакомиться с их творчеством. Чье творчество осо-

бенно ценно для Вас, сформировало Вас как демиурга, новатора и Человека? Какие произведения Вам особенно дороги? Есть ли среди современных тувинских поэтов и прозаиков те, за творчеством которых Вы следите с интересом, одобрением, надеждой?..

ЭМ: Я полностью согласен с этим принципом, так, как я сам начитывал интересную для меня литературу по такому же принципу. Помимо бесспорного влияния русской классики я ценю творчество многих зарубежных авторов. Попробую перечислить их имена, не указывая на национальную принадлежность. Это «Божественная комедия» Данте, стихи, проза и драматургия Гёте, сонеты и драматургия Шекспира, стихи и проза Гюго, поэзия Бодлера, Рембо, Верлена, Маллармэ, Валери, Шара, проза Хемингуэя, Фолкнера, Генриха Бёлля, Томаса Манна, Сэлинджера, Кен Кизи, Германа Гессе, Умберто Эко, Гарсия Маркеса, Хулио Кортасара, поэзия Гонгоры, Мигеля де Унамуно, Октавио Паса, проза и философские произведения Сартра и Камю, сумрачные духовные фантазии Франца Кафки, интеллектуальные фантазии и ребусы Хорхе Луиса Борхеса, который в любой культурной среде чувствует себя как дома, в Буэнос-Айресе, это поэтичная проза Милорада Павича, а также произведения Акутагавы, Басё, Ли Бо, Ду Фу, Омара Хайяма и т.д. Этот список можно еще продолжить. Все они, безусловно, оказали на меня огромное влияние. Самое главное, чему они научили меня, это умение думать самостоятельно и независимо. Что касается тувинских писателей, то в силу того, что я являюсь главным редактором литературного журнала, я просто обязан следить за всем литературным процессом. Иногда с одобрением, иногда с огорчением, но всегда с надеждой слежу за творчеством своих учеников, а их у меня довольно много.

ПТП: Работаете ли Вы сейчас над новыми произведениями?

ЭМ: В данное время идет внутренняя работа над либретто оперы и новой исторической пьесой. Стадия обдумывания уже пройдена, осталось только сесть за письменный стол и приковать себя к компьютеру.

ПТП: Огромное Вам спасибо, Эдуард Баирович, за Ваше феноменальное творчество!

ЭМ: Спасибо Вам за нетривиальные и интересные вопросы и за столь высокую, и даже чрезмерную оценку моего скромного творчества!

Сведения об авторе:

Валикова Ольга Александровна — PhD в области филологии, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Российского университета дружбы народов. E-mail: leka.valikova@mail.ru

Bio Note:

Olga A. Valikova is a PhD in Philology, Ass. Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, RUDN University. E-mail: leka.valikova@mail.ru